

УДК 323.13 (=161.3) (475) «1930/1939»

Г. Г. Дедурин

Харьковский национальный университет внутренних дел, г. Харьков, Украина

БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1930-Х ГГ.

По условиям заключенного в марте 1921 г. в Риге мирного договора между Польшей и Советской Россией, земли Западной Беларуси оказались в составе II Речи Посполитой. Польские власти, так или иначе, планировали ассимилировать славянские национальные меньшинства, оказавшиеся в границах их государства. Особенно жесткой польская национальная политика стала во второй половине 1920-х гг., после ликвидации наиболее массовой белорусской организации – Громады (1927), лидеры которой были обвинены в связях с коммунистическим подпольем.

В условиях национальной незрелости белорусского, преимущественно крестьянского по своему социальному характеру, общества, первостепенное значение в деле сохранения национального лица белорусов, имела деятельность национальных партий и организаций, объединявших немногочисленных представителей белорусской интеллигенции в этом регионе. Учитывая тот факт, что внимание исследователей белорусского национального движения в межвоенной Польше, главным образом, было обращено к Громаде и зависимым от нее организациям, процессы происходившее в национальном движении в 1930-х гг. изучены не так полно. В силу этих обстоятельств, автор считает избранную тему актуальной и, в качестве своей цели в данной статье, видит анализ деятельности основных направлений белорусского национального движения 1930-х гг., особенностей взаимоотношений как между различными его течениями внутри движения, так и с польской властью.

К началу 1930-х гг. в белорусском движении уже окончательно сформировались три основных направления: полонофильское, национально-демократическое и коммунистическое. На данном этапе противоречия между ними по-прежнему являлись существенным фактором, ослаблявшим потенциал национального движения. Тем не менее, попытки отстоять законные права белорусского населения продолжали предприниматься, что вызывало все более ошутимое противодействие со стороны польских органов власти.

Неудача на парламентских выборах 1930 г. посеяла смятение во всех группах, представлявших национальное движение. Она подвела черту под существованием многих пропольски настроенных

объединений, которые, лишившись финансирования и не имея даже минимальной поддержки народных масс, сошли с политической сцены [1, с. 69].

В рамках полонофильского течения более жизнеспособным оказался Центросоюз. Среди прочих белорусских сил за него оказалось отдано наибольшее количество голосов на выборах 1930 г., да и объединял он политиков иного масштаба, чем в карликовых пропольских группках. Лидеры Центросоюза А. Луцкевич и Р. Островский оказались после выборов в крайне затруднительном положении. С одной стороны, они обязаны были предпринять конкретные шаги, чтобы оправдать оказанное народное доверие, с другой – не хотели конфликтовать с польской стороной, довольно благосклонно принявшей подобное объединение. Поэтому весьма противоречивой по содержанию получилась резолюция Центросоюза об итогах выборов. В ней говорилось, что, несмотря на террор коммунистов и давление административных властей, Центросоюзу удалось объединить вокруг себя общественно сознательные элементы. Чтобы укрепить достигнутые позиции, предлагалось сосредоточить усилия на создании сети сельских библиотек, систематически организовывать выездные лекции по кооперативной и хозяйственной тематике, регулярно издавать периодику, художественные и научные журналы, книги [2, 1931, - № 1]. Как видим, о какой-либо политической деятельности речь даже не шла. Составители резолюции тщательно избегали вопросов, способных привести к конфликту с польской стороной. Но и для реализации намеченных планов требовалось, как минимум, единство членов организации, чего в Центросоюзе не наблюдалось.

Уже в начале 1931 г. его покинули Ф. Акинчиц и Я. Станкевич, не удовлетворившие свои политические амбиции. Последний встал во главе Белорусского хозяйственного союза, но долго продержаться с ним на политической арене, в виду отсутствия какого-либо финансирования и даже минимальной поддержки населения, не смог. В 1932 г. данный союз прекратил существование [3, с. 93]. Ф. Акинчиц вскоре создал т.н. Виленскую группу белорусского возрождения, ставшую, по признанию ее же лидера, «наиболее полонофильскую из всех белорусских организаций» [4, с. 42].

В связи с внутренними раздорами лидеры Центросоюза не проводили почти никакой практической деятельности. Это вполне устраивало Р. Островского, уже тогда начавшего использовать передаваемые польской стороной средства в личных целях. В отличие от него, А. Луцкевич прилагал определенные усилия, чтобы Центросоюз не стал очередной «бумажной» организацией. Несмотря на ряд существенных противоречий, он предпринял очередную попытку сближения различных белорусских сил, во имя сохранения национально-культурных ценностей. Для этого А. Луцкевич пригласил войти в состав родительского комитета Виленской гимназии, находившегося под контролем Центросоюза, В. Богдановича от Православного белорусского демократического объединения (ПБДО) и лидера Белорусской христианской демократии (БХД) А. Станкевича [5, л. 383]. Такой шаг вызвал резкое осуждение Р. Островского и Антон Луцкевич, тогда еще пребывавший под его влиянием, был вынужден на страницах партийной прессы вновь дистанцироваться от хадеков.

Вскоре А. Луцкевич выступил с предложением реорганизовать Центросоюз. Р. Островский изначально поддержал эти планы, так как рассчитывал, что данный проект должен привлечь внимание польской стороны, а, следовательно, можно будет ожидать очередных финансовых поступлений. В результате 27 декабря 1932 г. они зарегистрировали Товарищества беларускай асветы (ТБА). В статуте новой организации записали, что ее цель заключается в работе над развитием белорусской культуры, распространении школьного и внешкольного образования белорусов на родном языке, поднятии морального уровня населения, изучении культурных особенностей польского и других народов, живущих на одной с белорусами территории [6, л. 7].

В условиях глубокого кризиса, переживавшегося Товариществом белорусской школы (ТБШ) после разгрома Громады, реализация этих планов выглядела обнадеживающей. В ТБА вошли многие организации, составлявшие ранее Центросоюз [7, л. 21]. Хотя ТБА довольно активно включилось в работу (в 1933 г. при нем был создан народный театр, в 33 селах открылись библиотеки, бесплатно распространялся печатный периодический орган Товарищества «Родны край»), смена вывески не решила многих ключевых проблем [8, с. 86]. Охват деятельности ТБА в масштабе всего западнобелорусского региона оставался незначительным. Перед А. Луцкевичем встал очевидный факт: без сотрудничества с культурно-просветительскими организациями христианских демократов (БИГиК) и ТБШ шансов на эффективную деятельность ТБА нет. Продолжавшееся давление польской стороны на сферу белорусской культуры только убеждало его в этом.

Намерения А. Луцкевича вновь пойти по пути переговоров с другими белорусскими организациями натолкнулись на упорное сопротивление Р. Островского. Его вполне устраивало существующее положение вещей. Конфликт между двумя политиками с новой силой разгорелся в 1934 г. Масла в огонь добавил заведовавший финансовыми вопросами Центросоюза А. Трепка, вскрывший махинации Р. Островского, связанные с нецелевым использованием средств, поступавших от правительства организации, а затем, и ТБА [9, с. 159]. Решить противоречия должен был товарищеский суд, растянувшийся более чем на год. Однако еще до вынесения его вердикта было ясно, что разрыв А. Луцкевича и Р. Островского неизбежен. Принятое в ноябре 1935 г. решение товарищеского суда, хотя и с оговорками, но все же признавало вину Р. Островского [7, л. 211]. Вот только самого обвиняемого, выехавшего в конце 1935 г. в Лодзь, это вряд ли беспокоило.

Данные события убеждают, что уже к середине 1930-х гг. полонофильское течение себя исчерпало, потерпев полное фиаско. Деятели, придерживавшиеся данного направления, еще могли на что-то рассчитывать в период заигрывания польских властей с отдельными представителями национального движения и доминированием сторонников «государственной ассимиляции» национальных меньшинств. В условиях же смены правительственного курса, перехода к тотальной полонизации, необходимость в этом у власти отпала. Единственным шансом выжить для полонофильских группировок являлось объединение с другими участниками национального движения. Но этого не произошло, что и предопределило их закономерный финал.

Значительно более плодотворной и полезной как для белорусского движения, так и общества в целом, оказалась деятельность сил, входивших в национально-демократический лагерь. В нем стоит выделить христианских демократов или хадеков, которые еще с середины 1920-х гг., были второй по влиянию силой в национальном движении после Громады. Во главе этой политической силы стояли белорусские католические ксендзы, наиболее известными из которых были А. Станкевич, В. Годлевский, Ф. Абрантович. БХД постоянно эволюционировала в направлении от закрытой костельной организации к настоящей политической партии. В программе христианских демократов 1926 г. впервые в качестве главной цели ее деятельности ставилась борьба за создание независимого белорусского государства, которое объединило бы все этнические земли белорусов [5, л. 70].

Учитывая тот факт, что православная церковь в Западной Беларуси, службу в которой в основном несли представители русского духовенства, была не очень заинтересована в поддержке национального движения белорусов, именно христианские демократы решили стать той силой, которая сплотила бы все национальные силы вокруг защиты прав белорусов. С этой целью, со второй половины 1920-х гг., вступление в ряды партии было разрешено и исповедовавшим православие [10, с. 41]. Но большая часть белорусского крестьянства, 75% которого было православным, продолжало с подозрением относиться к представителям католической церкви, хотя и белорусам по национальности. Это обусловило то, что БХД оказывало заметное влияние преимущественно в тех уездах, где преобладали белорусы-католики. Существенным препятствием для хадеков был и постоянный надзор польских церковных властей, которые жестко пресекали любые проявления национальной деятельности под крышей костелов [11, д. 92]. Именно эти обстоятельства не позволили БХД к началу 1930-х гг. превратиться в подлинно общенациональную партию.

С конца 1920-х гг., после непродолжительного периода экспериментов, польские власти снова вернулись к национальной ассимиляции меньшинств, не оставляя им никаких шансов на свободное национально-культурное развитие. В тоже время местные коммунисты пытались сохранить свое влияние в белорусском движении. После прекращения существования Громады, они сделали ставку на членов крестьянско-рабочего посольского клуба «Змаганне», образованного из нескольких белорусских депутатов после выборов 1928 года [12, с. 540]. Однако они пользовались в обществе значительно меньшим авторитетом и действовали, используя прежнюю популярность БСРГ. К тому же, вследствие сворачивания белорусизации и общего изменения национальной политики в БССР, Коммунистическая партия Западной Беларуси переходит на позиции национального нигилизма, что сопровождалось крайне враждебным отношением ко всем тем силам, которые не разделяли их идейной платформы. Даже борьба за открытие национальных школ была признана нецелесообразной [5, л. 188-189]. Это подтверждает пример ТБШ, которое фактически прекратило свою деятельность после того, как в конце 1920-х гг. контроль над ним установили коммунисты.

Конфликт между национально-демократическим и леворадикальным направлениями движения на фоне усиления репрессивных мер польских властей и общей пассивности белорусского крестьянства, обусловил провал белорусских сил на выборах в сейм 1930 года. В отличие от выборов, которые состоялись в 1922 и 1928 гг. белорусам не удалось договориться о создании единого предвыборного блока, и они смогли провести в сейм лишь одного своего представителя [9, с. 152].

Оказавшись фактически вне парламента в первой половине 1930-х гг., белорусские силы так и не смогли найти взаимопонимания. Деятельность многих партий и организаций находилась в состоянии анабиоза. Только христианские демократы пытались как-то повлиять на ситуацию, понемногу распространяя свое влияние на все новые институты белорусов (Белорусский национальный комитет, Белорусский студенческий союз и др.). Им в этом способствовало падение доверия населения к леворадикальным лозунгам, особенно после поступления сообщений из Восточной Беларуси о проведении принудительной коллективизации, а также репрессий против т. н. «национал-демократов», в частности бывших лидеров Громады Б.Тарашкевича, С. Рак-Михайловского и др.

В середине 1930-х гг. была предпринята последняя попытка изменить негативные для белорусов тенденции. Она связана с реализацией идеи создания в крае единого народного фронта. Подобная инициатива исходила из лагеря коммунистов. Ее появление объясняется рядом объективных причин как внутреннего, так и внешнего характера. Во-первых, в связи с установлением в Европе ряда правототалитарных и авторитарных режимов, международное коммунистическое движение решило изменить тактику, призвав к объединению всех антифашистских сил против установления диктаторских

режимов. Это решение нашло свое официальное оформление в постановлениях VII конгресса Коминтерна, состоявшегося в июле-августе 1935 года [13].

Во-вторых, хотя в Польше вероятность установления фашистской диктатуры преувеличивалась, однако усиление авторитарных тенденций в руководстве государства трудно было отрицать. Апрельская конституция 1935 г. предоставляла гораздо больше полномочий президенту. Несмотря на смерть Ю. Пилсудского (май 1935), в руководстве страны продолжали преобладать шовинистически настроенные политики, противники любых уступок национальным меньшинствам. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что влияние коммунистов на белорусское движение продолжало уменьшаться, летом 1935 г. ЦК КПЗБ решил обратиться к БХД с предложением о вступлении в единый антифашистский фронт [7, л. 131]. Все это происходило на фоне бойкота белорусскими партиями выборов в сейм, из-за значительных ограничений прав национальных меньшинств в новом избирательном законодательстве.

К тому времени христианская демократия уже прошла долгий путь эволюционных преобразований, логическим завершением которых стало изменение названия на Белорусское народное объединение (БНА). Это должно было символизировать окончательный разрыв с костелом и действительно давало возможность партии представлять интересы всего белорусского населения [14, с. 559].

Естественно, что при таких обстоятельствах, лидеры БХД с подозрением отнеслись к предложению коммунистов, учитывая предыдущий опыт их взаимоотношений, не без оснований полагая, что левые могут использовать реализацию этой идеи для проникновения и подчинения структур БНА. Тем самым, коммунисты оказались заложниками собственной ошибочной тактики в отношении с национально-демократическими силами.

Единого фронта создать не удалось. Однако определенные результаты контакты представителей КПЗБ и БХД-БНА все же имели. Лидеры партий сумели достичь согласия о проведении ТБШ и Белорусским институтом хозяйства и культуры (БИГиК) зависимым от христианских демократов, совместной акции по отстаиванию прав белорусской школы [15, с. 148]. Она началась в марте 1936 г. и действительно всколыхнула местное население, которое массово начало обращаться к польским органам власти с требованиями создания белорусскоязычных школ. В конце 1936 г. совместными усилиями БНА и КПЗБ в Вильно были проведены дни белорусской культуры [8, с. 91].

В знак протеста против наметившегося сближения христианских демократов и коммунистов, в конце 1935 года. Белорусский национальный комитет (БНК) покинула группа национал-социалистов. Это заставило белорусских нацистов ускорить выработку собственной программы. Она была обнародована 10 января 1936 г. Ее создатели не были оригинальными – принятая программа практически дословно копировала аналогичные документы других пронацистских организаций, массово возникавших тогда в Европе.

Прежде всего, выдвигалось требование создания независимой и соборной Белорусской державы в ее этнических границах. Политическое и социальное устройство в ней должно быть установлено белорусами в соответствии с интересами белорусской нации. Для реализации этих планов национал-социалисты призывали к борьбе с ассимиляцией белорусов, за национальное воспитание белорусского народа и борьбу с деструктивными элементами, которые деморализуют народ и направляют его по ложному пути (под таковыми подразумевались коммунисты и христианские демократы – авт.). Кроме этого, программа отличалась социальной демагогией и выпадами против «буржуазно-капиталистического строя». Жизненно важный для белорусского крестьянства аграрный вопрос предлагалось решить путем безвозмездной передачи земли в руки малоземельных крестьян, создания хозяйств на кооперативных и артельных началах. Однако реализация этой части программы предусматривалась только при условии достижения политической и социально-экономической независимости белорусского народа [16, с. 10 – 18].

Малочисленная, организационно рыхлая группа белорусских национал-социалистов, слепо подражая германским нацистам, не учитывая специфики Западной Беларуси и ментальности ее населения, вряд ли могла рассчитывать на массовую поддержку своих идей. Тем не менее, Ф. Акинчиц и его сторонники, видимо надеясь обратить на себя внимание Берлина, пытались проявлять некоторую активность.

В июне 1937 г. было заявлено о создании Белорусской национал-социалистической партии (БНСП). В состав ЦК вошли Ф. Акинчиц (председатель), У. Козловский, К. Юхневич, А. Пецюкевич и А. Сапко [17, с. 134]. Поляки весьма скептически оценивали возможности новой партии, характеризуя ее лидеров как авантюристов и проходимцев, менявших свои политические взгляды в зависимости от ситуации в крае [6, л. 163]. Но желание перестраховаться, не допустить превращения БНСП в немецкую пятую колонну заставило польские власти предпринять шаги по ограничению сферы деятельности национал-социалистов. В сентябре 1937 г. вышло постановление министерства внутренних дел, запрещающее работу партии в приграничной полосе на восточных кресах. А так как Вильно тоже находилось в приграничной зоне, по распоряжению виленского воеводы месторасположение ЦК БНСП и редакции ее печатного органа «Новы шлях» оказалось перенесено в Лиду [15, с. 10].

После этого переноса национал-социалисты исчезли с политической арены Западной Беларуси вплоть до июня 1939 г. Тогда, по инициативе германской стороны, в Гданьске проводилась т.н. Всебелорусская национальная конференция, собравшая представителей эмигрантских организаций, поддерживавших контакты с Третьим Рейхом. От Западной Беларуси прибыл лидер БНСП Ф. Акинчиц, который и возглавил

созданный там Белорусский комитет самопомощи, включавший также В. Захарку, К. Езовитова, Н. Демидова, С. Яковюка и ряд других деятелей, в годы оккупации Беларуси сотрудничавших с нацистами [18, с. 12]. В самой же Западной Беларуси БНСП так и не сумела заручиться поддержкой и доверием народа, рассчитывая исключительно на немецкую «цивилизаторскую» миссию, которая принесет «освобождение» белорусам.

В условиях уже ничем неприкрытой ассимиляционной политики оживление белорусского движения было обречено на репрессивные контрмеры. Власть, обеспокоенная даже частичным объединением усилий бывших непримиримых врагов, решает не дать развернуться этому процессу и в конце 1936 г. один за другим ликвидирует ТБШ и БИГиК, обвиняя эти организации в антигосударственной деятельности [6, л. 9]. Попытки БНА, отказавшейся в интересах самосохранения от ряда своих радикальных политических требований, противостоять этому с помощью пропаганды идеи «культуры сожигания» не дали ощутимых результатов. После высылки А. Станкевича из Вильно, арестов многих лидеров партии сама БНА фактически перестала существовать.

Эти события стали началом конца существования организованного белорусского национального движения во II Речи Посполитой. В течение следующих двух лет были ликвидированы почти все белорусские институты, репрессированы многие ведущие деятели национального движения. Негативное влияние на его состояние оказало и постановление Коминтерна 1938 года [19, с. 186]. Основываясь на вымышленных обвинениях, было принято решение о роспуске КПЗБ, которая только начала возвращать доверие белорусских сил. К концу 1938 г. польские власти считали белорусский вопрос «окончательно решенным» [20, с. 110].

Таким образом, накануне Второй мировой войны в белорусском национальном движении не было сил, потенциально способных продолжать эффективную борьбу за отстаивание прав белорусского населения, если не учитывать нескольких маловлиятельных организаций прогерманской ориентации.

Однако не стоит преувеличивать и «успехи» национальной политики польских властей. Следует отметить, что реальный эффект ассимиляционных мер в отношении белорусов был довольно скромным. Наоборот, не подлежит сомнению, что они вызвали рост враждебности к польскости и создали почву для распространения политического и общественного радикализма в белорусской среде. Облечь его в организационные формы как раз и пытались представители белорусского национального движения, не достигшие впечатляющих результатов, но заложившие основы к формированию «воображаемых сообществ» и положительного национального самосознания в собственном народе, что и стало главным итогом их деятельности в западнобелорусских землях.

Список цитируемых источников

1. Gomolka K. Białoruskie partie i organizacje przorządowe w II Rzeczypospolitej // BZH. – 1997. – Z. 7. – S. 63 – 74. Вабішчэвіч А. Асвета у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) – Брэст: Выд-ва БрДУ, 2004. – 116 с.
2. Sprawy narodowosciowe. – Warszawa, 1927 – 1939.
3. Gomolka K. Białoruskie instytucje życia gospodarczego w II Rzeczypospolitej // BZH. – 1997. – Z. 8. – S. 90 – 99
4. Мірановіч Я. Беларусы у Польшчы (1918 – 1949) / Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. – 191 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 242. Центральный комитет (ЦК) Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ).
6. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. Полесское воеводское управление, г. Брест Полесского воеводства. Мірановіч Я. Беларусы у Польшчы (1918 – 1949) / Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. – 191 с.
7. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. – Ф. 3. Калекцыя дакументаў аддзела рукапісаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў г. Вільня (1921–1945).
8. Вабішчэвіч А. Асвета у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) – Брэст: Выд-ва БрДУ, 2004. – 116 с.
9. Сидоревич А. Антон Луцкевич // Неман. – 1990. – № 7. – С. 91 – 167.
10. Коўкель І. Беларуская хрысціянская дэмакратыя і яе роля ў беларускім грамадска-палітычным руху (1917 – 1939 гг.) // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе. – Гродно, 2001. – Ч. II. – С. 36 – 44.
11. Отдел редкой книги и рукописей НАН Беларуси. – Ф. 4.
12. Trejdenki P. Białoruskie stronnictwa polityczne w Polsce i ich ideologia // Sprawy narodowosciowe. – 1930. – № 5-6. – S. 513 – 543.
13. Gomolka K. Białorusini w II Rzeczypospolitej // Zeszyty naukowe Politechniki Gdanskiej. Ekonomia. Nr. 31. – Gdansk, 1992. – 179 s.
14. Коммунистический интернационал. Всемирный конгресс (7; 1935). Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала. – М.: Госиздат, 1935.
15. Станкевіч А. З Богам да Беларусі. Збор твораў / за ред. А. Пашкевіча; А. Вашкевіча. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1097 с.
16. Gomolka K. Białorusini w II Rzeczypospolitej // Zeszyty naukowe Politechniki Gdanskiej. Ekonomia. Nr. 31. – Gdansk, 1992. – 179 s.
17. Палітычныя партыі Беларусі / П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладыеў, М. С. Сташкевіч і інш. – Мінск.: Згода, 1994. – 262 с.
18. Ладыеў У. КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934 – 1938 гг.). – Мінск : Беларуская навука, 1976. – 168 с.
19. Сакалоўскі У., Ляхоўскі У. Нямецчына й беларускі нацыянальны Рух напярэдадні й у першыя гады Другое Сусьветнае Вайны // BZH. – 2000. – Z. 13. – S. 5 – 21.
20. Сакалоўскі У., Ляхоўскі У. Нямецчына й беларускі нацыянальны Рух напярэдадні й у першыя гады Другое Сусьветнае Вайны // BZH. – 2000. – Z. 13. – S. 5 – 21.
21. Mironowicz E. Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937-1939 // BZH. – 2006. – Z. 25. – S. 102 – 115.